

Рудольф Штайнер

Хомункулус

Из GA 32: Сборник статей по литературе. (1884—1902)

Rudolf Steiner

Homunkulus

GA 32

*Будучи в 1888 редактором газеты "Немецкий еженедельник (Deutschen Wochenschrift)" в Вене, Рудольф Штайнер написал статью об эпосе "Хомункулус" немецкого поэта Хамерлинга и в которой он объективно высказался об иудаизме. Так как в его книге "Мой жизненный путь (Mein Lebensgang)" имеется ссылка на этот период, когда он был также и частным преподавателем, воспитателем в одной семье в Вене, то здесь сначала приводятся выдержки из этой книги со стр. 144-145 (*Прим. пер.):

Все это, душевную жизнь этой женщины, ее прекрасную самоотдачу своим сыновьям, жизнь семьи в пределах круга дальних родственников и знакомых переживал я. Однако при этом не обошлось без затруднения. Семья была еврейской. Она была во взглядах совершенно свободной от любой ограниченности конфессии, веры и расовой ограниченности. Однако у главы семьи, к которому я был очень расположен, имелась в наличии определенная чувствительность против всех внешних проявлений, которые производились не-евреем над евреями. На это влиял вспыхнувший тогда антисемизм.

Так я принял тогда живое участие в борьбе, которую немцы вели в Австрии за свое национальное существование. Я был приведен к тому, чтобы также заняться исторической и социальной позицией иудаизма. Особенно интенсивным стало это занятие, когда появился "Хомункулус" Хамерлинга. Этот выдающийся немецкий поэт был представлен из-за этого творения большей частью журналистики как антисемит, также даже немецко-националистическими антисемитами был принят как один из своих. Все это мало меня касалось; однако я написал статью о "Хомункулусе", в которой я, как я верил, полностью объективно высказался о позиции иудаизма. Глава семьи, в чьем доме я жил, с которым я сдружился, принял это как особый вид антисемизма. Ни в малейшем не пострадали от этого его дружелюбные чувства ко мне, однако он был затронут глубокой болью. Когда он прочитал статью, предстал он передо мной, полностью изъеденный во внутренней глубине страданием, и сказал мне: "То, что Вы здесь пишете о евреях, вовсе не может подразумеваться в дружелюбном смысле; однако не это есть то, что меня преисполняет, но то, что Вы при тесной связи к нам и нашим друзьям переживания, которые Вас побуждают так писать, могли сделать только у нас".

Глава семьи заблуждался; ибо я судил полностью из духовно исторического обзорного рассмотрения; ничто личное не было влито в мое суждение. Он не мог это так видеть. Он сделал на мои объяснения замечание: "Нет, человек, который воспитывает моих детей, по этой статье, не является никаким 'еврейским другом'". От этого его нельзя было переубедить. Он не думал никакого мгновение о том, чтобы в моем отношении к семье нечто должно было бы измениться. Это он видел как некую необходимость. Я еще меньше мог принять дело как повод к изменению. Ибо я рассматривал воспитание его сына как задачу, которая мне выпала судьбой. Однако мы не могли иначе как думать, что в это отношение примешался печальный оттенок.

Ко всему этому добавилось то, что многие мои приятели из тогдашних национальных битв приняли в свое понимание иудаизма антисемитский нюанс, оттенок. Они

рассматривали мое положение в еврейском доме не с симпатией; а глава семьи этого дома находил в моем дружественном общении с такими личностями только подтверждение впечатлений, которые он воспринял из моей статьи.

Роберт Хамерлинг: "Хомункулус"

Современный эпос в 10 песнях

Гамбург и Лейпциг, 1888

GA 32 (стр. 144-155)

Своеобразие Хамерлинга (Hamerling) располагается в удачном взаимодействии богатой фантазии с идущим к сути вещей глубокомыслием (Tiefsinn). Через это он является повидимому наиболее компетентным поэтическим автором, изображающим те исторические эпохи, на которые выпадают поворотные пункты развития человечества. Его глубокомыслие позволяет ему везде обнаружить побуждающие силы, найти основные пункты в истории, а его великолепная фантазия воплощает их в изобилии обликов, форм, в которых отражается все содержание ее времени и которые являются при этом, однако, полными индивидуальной жизни. Хамерлинг описывает главным образом времена, в которые некая высокая культурная ступень наследуется на нисходящее, падшее поколение, которому более не по плечу задачи, которые были поставлены ему на достигнутой предками культурной высоте. В такие времена человек не является в состоянии понять, охватить полноту Духа, которому он противостоит, и она становится поэтому в нем искаженным образом, карикатурой: достигшая высшей точки культура обращается в свою противоположность и изводит себя сама. Это показывает поэт для римской культуры в "Агасфер (Ahasver)", для греческой культуры в "Аспазия (Aspasia)"; его основная идея является одинаковой в "Царь Сиона (König von Sion)" и в "Дантон и Робеспьер (Danton и Robespierre)". Той же самой идеей поддерживается теперь также его новейший эпос "Хомункулус (Homunkulus)". Он изображает ту карикатуру, которой станет наша современная культура, если представить себе, что она на проторенных ею путях дойдет вплоть до последних последствий.

Хомункулус есть представитель современного человека. Ничто другое не является именно для такового таким описательным, характерным как полное отсутствие того, что называют индивидуальностью. Тот источник всегда свежей жизни, который всегда позволяет нам зачерпнуть новое из нашей внутренней глубины (Inneren), так что наш нрав, характер и наш Дух проявляется оснащенным с некой определенной, в самой себе основанной глубиной, которая никогда себя полностью не расходует, совсем пропадает у современного человека. Исключительная индивидуальность не есть нечто обозримое, потому что если мы даже узнали так много ее жизненных проявлений, то это не является нам возможным, составить из этого вместе такой ее образ, что мы могли бы предвидеть совокупность ее дальнейшей деятельности. Каждое следующее деяние получает именно всегда новый импульс из глубины существа, который показывает нам ее новые стороны. Это отличает индивидуальность от механизма, который представляет только результат совместного взаимодействия своих составных частей. Знаем мы таковые, то также нам ясны и границы, в которые заключена его деятельность. Жизнь современного человека становится теперь все более машинообразной. Воспитание, общественные формы, трудовая жизнь, все воздействует в том направлении, чтобы изгнать из человека то, что хотелось бы назвать индивидуальной жизнью, Душой. Он все больше становится продуктом обстоятельств, которые на него воздействуют. Такой бездушный, неиндивидуальный человек возведенный вплоть до карикатуры, есть Хомункулус

Хамерлинга. Произведенному химическим способом, в реторте, ему недостает любая возможность дальнейшего развития за границы, которые ему мастер науки определил через смешение добавленных веществ.

Такой человеческий механизм проходит через все стадии современной жизни. При нем проявляются все неправильности, извращенности такового, доведенные до высшей точки и через это в их внутренней опустошенности, пустоте. Он предпринимает все возможное. Его стремление, однако, никогда не направлено на то, чтобы создать действительно позитивное, но только чтобы использовать изделия природного и человеческого Духа для своих полностью никчемных предпринимательств, для того, чтобы прийти к почитанию и уважению и к господству. Сначала пробует он это через основание большой газеты современного стиля. Посредством того, как он здесь все эксцессы современной журналистики повышает вплоть до крайности, кажется ему лучше всего удастся достичь своей цели. Однако ему не достаточно более профессии, когда он видит наступление новой эры "народнохозяйственного высокого подъема". Он становится основателем и через это миллиардером (Billiondr). С выдающимся юмором преподносит здесь поэт для воззрения то, как весь мир простирается в пыли перед низким денежным величием и преклоняется ему. Большой кризис бросает Мункеля (Munkel) с достигнутой высоты вниз, и он вынужден искать новый авантюристический жизненный путь. Ему удается достать сокровище Нибелунга (Nibelungenschatzes), что возможно только не имеющему отечества (vaterlosen) человеку, и связь с Лурляй (Lurlei), нимфой (Nixe), которая как бездушная женщина, как некий тип действительной, современной женской не-натуры (Unnatur), присоединяется к бездушному человеку. Они основывают государство не-натуры, Эльдорадо (Eldorado). Здесь ставятся все понятия натурального (Natürlichen) с ног на голову. Великолепное описание партийной жизни в этом государственном уроде (Staatsmißgeburt) каждый прочитает с наслаждением.

После того как также это "учреждение" не удалось, бросается Мункель в то, чтобы тех обезьян, которые при человеческом становлении этого поколения остались стоять еще на ступени обезьяны и которые по его мнению, должны быть значительно непорочнее чем их дегенерированные отпрыски, также еще воспитывать до человека и создавать с ними новое государство. Также и это государство нездоровит от ошибки, как и все другие предпринимательства Хомункулуса. Хотя обезьяна и становится внешне человеком, она живет даже в формах государства, однако ей недостает опять Души. Обезьяны есть механизмы, их государство также. Все должно показать себя поэтому окончательно в своей невозможности. Вскоре тоскует Мункель по новому удовлетворению своей жажды деятельности. Он ищет его в том, что он проповедует евреям эмиграцию в Палестину (Palästina) и учреждение нового еврейского царства (Judenreiches). Он ставится во главе процессии и становится в Иерусалиме царем евреев. Однако евреям нужна Европа и Европе нужны евреи. И так возвращаются они, после того, как они показали себя совершенно неспособными к руководству собственного государства, назад в Европу. Хомункулуса, их царя, распинают они прежде на кресте. В этой песне стоит Хамерлинг со своей обдуманной объективностью мудреца напротив как евреев так и антисемитов. Здесь скорее всего имеется конечно возможность, эту объективность недооценивать, не осознавать. Наибольшая близорукость состоит однако в том, когда, как уже так многократно случалось, сверх-чувствительными, щепетильными евреями непредвзятое суждение обстоятельств уже рассматривается как ошибка. Однако не имеют никакого права того, кто не подчеркивает ясно свою солидарность с евреями, немедленно обвинять в установке против них.

Хомункулус, позорно оставленный, спасается с помощью Агасфера (Ahasvers) и появляется снова в Европе, чтобы позволить теоретическим воззрениям пессимизма стать

делами. Созывается конгресс, который имеет цель подвинуть все существа в один день через единодушное решение, чтобы положить конец бытию. Соглашение достигается, и наивысший идеал пессимистов кажется, через гениальность Мункеля, близким к своему осуществлению. Первое Апреля должен быть днем конца, все идет хорошо. Тут слышится в решающее мгновение поцелуй любовной пары, и все снова срывается. Здесь видит Хомункулус наконец, что с этим испорченным поколением ничего больше не начать, он строит дирижабль и отправляется в бесконечное мировое пространство. Молния ударяет в транспортное средство, и так парит Хомункулус, прицепившись к его остаткам с Лурляй (Lurlei), которую он, после того как она за ним повторно проследовала всегда снова находит, в бесконечном мировом пространстве, игра космических сил, то этим, то тем мировым телом притягиваться и отталкиваться. Он не может умереть, он становится игрой элементов, из которых он машинообразно составлен вместе. Бездушный человек не может быть счастливым. Только из собственной самости (Selbst) приходит наше счастье. Глубокая, содержательная внутренняя глубина (Inneres) единственно способна дать удовлетворение. Кто таковой не имеет, тот в высшем человеческом смысле не состоялся истинно. Где недостает этого первоисточника (Urquell), жизнь появляется как блуждание без цели и назначения. То, что взяло начало в таком охарактеризованном высшем смысле, может спокойно снова уходить, если его задача исполнена.

Хомункулус однако не может умереть, он ведь никогда истинно не рождался. Чистый механизм не знает ни рождение, ни смерть. Поэтому он будет вечно парить в мировом пространстве.

Видно, что глубокомыслию Хамерлинга удалось великолепным образом представить заблуждения времени. Как основная идея является великой и важной, так является также и отдельность живой. Хамерлинг остался также и здесь идеалистическим поэтом. Таковой имеет ведь задачу, вывести последствия действительности, взглянуть из случайного прочь в глубинное. Как действительно великое и достойное в идеале появляется только еще более усиленным, более исполненным достоинства, так является плохое, превратное у идеалистического поэта карикатурой. Многие натолкнутся на эти искаженные образы, карикатуры; они должны были бы искать вину только не у поэта, но в мире, из которого он творил. Наша критика, конечно, является наиболее удаленной от такого объективного суждения творения, она втянула это в спор сторон, партий и наиболее невероятным образом пыталась исказить публике картину творения. Мы хотим в дальнейшей статье поговорить о таком отношении критики к "Хомункулусу".

*

На поведении нашей критики по отношению к "Хомункулусу" снова еще раз так верно показано, что вся она лишена стремления к объективности. Обнаружит ли она суть творения, выставит ли она дело в правильном свете, ей это безразлично; ее касается только то, чтобы отточить ряд "остроумных" фраз для того, чтобы "развлекать" свою публику.

Последняя, затем в основном, также не спрашивает, точно ли критик судил или нет, является ли он в состоянии бескорыстно углубиться в творение; она спрашивает только то остроумничающее духообилие (Geistreicherei), которое является врагом всей позитивной критики. Такая критика не обдумывает никогда, что она является совершенно неплодотворной, если она не ставит себе серьезную задачу предварять публику в понимании времени и его явлений. Критик хочет использовать только продуктивную духовную работу истинного писателя или художника как подставку для ног, чтобы свою собственную неплодотворную личность повсюду сделать заметной. Везде есть эта

недостающая серьезность в понимании своей профессии, которую должно сделать упреком современной критики. Образцовую критику использовали, например, оба Шлегеля (Schlegel), у которых всегда великие принципы искусства, важное мировоззрение стояли на заднем плане, когда они судили. Сейчас предоставляют себя, однако, всецело субъективному произволу. Только этому обстоятельству должно приписать то, что критик сегодня выдвигает вещи, которые находятся в резком противоречии с тем, что он утверждал за немногие месяцы до этого. Где серьезное понимание искусства и мира выносит отдельные суждения (Einzelurteile), там является такое шатание немыслимым. Об ответственности перед форумом мировой истории современная критика не имеет, в основном, ни малейшего сознания. Хамерлинг метко изобразил в песне "Литературная Валпургиева ночь (Literarische Walpurgisnacht)" неутешительное состояние нашей современной литературы, конечно всегда остающейся верной задаче поэта, чьи изображения должны оставаться неподверженными тенденциям и лозунгов партий, сторон.

Что однако сделала критика из этого "Хомункулуса"? Она втянула его в спор партий, а именно в его наиболее отталкивающую форму, в расовую борьбу. Определенно нельзя оспаривать, что сегодня иудаизм (Judentum) все еще выступает как законченное целое и как таковой многократно вмешался в развитие нашего современного состояния и таким образом, который западным культурным идеям был никак не меньшим, как благоприятным. Иудаизм, как таковой, однако, давно изжил себя, не имеет никакого права внутри современной народной жизни, а то, что он себя все-таки сохранил есть ошибка мировой истории, чьи последствия не могли не наступить. Мы подразумеваем здесь не только формы еврейской религии, мы подразумеваем преимущественно Дух иудаизма, еврейский образ мышления. Непредвзятый человек теперь должен был бы полагать, что лучшие судители такого поэтического облика, который придал Хамерлинг именно затронутому факту, являлись бы евреи. Евреи, которые вжились в западный культурный процесс, должны были бы однако лучше всего усмотреть ошибки, которые имеют, из серой древности в новое время пересаженный и здесь совсем непригодный, нравственный идеал. Евреям самим должно ведь, самыми первыми, стать ясным распознавание того, что все их особые устремления должны быть орошены через Дух современного времени. Вместо этого творение Хамерлинга просто было представлено так, как если бы это было вероисповеданием некоего сторонника антисемизма.

Поэту приписали точку зрения, которую он не может принять в силу Духовной высоты с которой он смотрит. Мы понимаем однако довольно хорошо, что кто-нибудь, чье имя в "Хомункулусе" в мало лестной связи появляется названным, не может прийти к объективному признанию книги. Если однако такая большая газета как "Новая свободная пресса (Neue Freie Presse)" имеет не более высказать о "Хомункулусе", чем одетые в безвкусные шуточные приступы ярости некоего необходимо предвзятого человека, тогда действительно не знаешь, должно ли сердиться такой легкомысленности или смеяться над дерзостью. Не должно ли поэтому здесь просто возникнуть намерение, в объективном изложении Духа иудаизма уже почуять антисемизм? Для формы антисемизма, для которой, если уже хотят употребить излишнее слово, подходит Хамерлинг, имеется совсем определенная формулировка: Он принимает - как каждый непредвзятый, от партийного фанатизма свободный человек - по отношению к иудаизму точку зрения, которую каждый независимый от предрассудков своего рода и вероисповедания еврей может разделить. Не требуйте только большего от Духа, который так всецело сросся с западными идеалами, как Хамерлинг. Является поведение "Новой свободной прессы" и аналогичных газет по отношению к "Хомункулусу" в наивысшей степени недостойным, то это является не менее непростительным, чем когда антисемитские газеты представляют Хамерлинга как единомышленника такой партии, которая наряду с пригодностью к неистовству и шуму имеет характерным ничто иное как полное отсутствие любой мысли.

Сторонники этой партии в своих газетах просто вырвали части из целого, чтобы истолковать их на свой лад, что является ведь известным главным трюком журналистики.

Хамерлинг решительно протестовал против таких искажений своего новейшего творения, сначала в письме, которое печаталось в "Дневной почте Граца (Grazer Tagespost)" и в "Немецкой газете (Deutschen Zeitung)", затем в поэме в "Прекрасном синем Дунае (Schönen blauen Donau)". Мы постарались здесь его точку зрения противопоставить преднамеренно ложным толкованиям его современников.

Мы не можем не припомнить, еще высказывания некоторых других критиков, которые основываются на всецелом непризнании взаимосвязи поэта и поэзии. Спрашивается здесь: Как должен быть разделенным однако с собой и миром человек, который позволяет увлечь себя для сотворения таких безобразных образов; как нездоров должен быть нрав того, кто своему времени противопоставляет такое зеркальное отражение? В противоположность этому мы хотели бы поднять другой вопрос: Как должна быть разделена критика с принципами всей эстетики, которая отклоняет суждение некоторого творения как такового по субъективному восприятию поэта? Была значительная речь, которую Шиллер (Schiller) однажды произнес по отношению к Гете (Goethe), когда последний пожаловался, что его упрекают аморальным некоторыми его обликами, персонажами: Можно ли Вам доказать, что безнравственные акты проистекают из Вашего образа мышления, а не из Ваших персонажей, то это могло бы быть сделано Вам упреком, однако не потому что Вы преградили перед христианским, но потому что вы преградили перед эстетическим форумом. Должно было бы полагать, что такие основоположения, которые являются бесспорными, давно уже перешли нашим критикам в плоть и кровь. Было бы это так, тогда однако они обнаружили бы, что временные облики, персонажи, которые Хамерлинг создал, не могли выглядеть иначе, чем они именно есть, потому что они не имеют ничего общего с его образом мышления о времени. Это, однако, есть одна из главных ошибок нашей критики, что она не по примеру науки желает принять в себя основоположения, которые являются здесь как остающиеся аксиомы. Она здесь находится всецело в случае ученых, которые не знают, уже имеющиеся в наличии, основоположения своей науки. Мы не имеем именно никакой критики, которая находится полностью на высоте своего времени, ибо то, что именует себя так, есть главным образом ничто иное, как критическое дилетантство.